

— Не морочь мне голову, я всё знаю, — Толстяк прижал к себе тетрадь с тестами. — Но ты не переживай, дядя Цзи — очень ответственный мужчина. Я вижу, что он о тебе заботится. Даже если что-то пойдёт не так, моя мама сказала, что она твоя крёстная, и если семья Цзи будет тебя обижать, мы все тебе поможем!

Взгляд Шэнь Чэна дрогнул.

Цзянь Шиу, опасаясь, что тот подумает, будто у него есть какие-то скрытые мотивы, поспешил объяснить:

— Когда я познакомился с Обезьяной, узнал, что его мачеха часто тайком обижала его. Моя мама — настоящая тигрица! Она забрала Обезьяну к себе домой, записала разговор на телефон и приструнила ту женщину, заставив её вести себя прилично. Я был главным стратегом в этом деле, а после этого Обезьяна стал звать меня братом Ши!

Рассказывая это, Толстяк оживлённо жестикулировал, на его лице играла улыбка:

— Увидел несправедливость — крикни, защити слабого.

Он ожидал, что Шэнь Чэн обрадуется, но лицо юноши постепенно становилось всё холоднее.

Шэнь Чэн спокойным тоном произнёс:

— Так что, подойдёт кто угодно?

?

Толстяк замер.

Он не понял, что имел в виду Шэнь Чэн. Разозлился ли он? Ситуация с Обезьяной действительно была другой. Может, он думает, что я упрощаю его положение? Но я ведь не это имел в виду, я просто хотел сказать, что готов помочь.

Снаружи послышался голос Чжэнь Мэйли:

— Вы закончили с домашкой? Телевизор внизу уже включён.

Цзянь Шиу поспешил сменить тему:

— Мама зовёт, пойдём вниз смотреть телевизор?

Шэнь Чэн отвернулся:

— Иди сам.

Откровенно холодный тон юноши заставил Толстяка немного прийти в себя. Возможно, последние дни были слишком беззаботными, и он забыл, что Шэнь Чэн его ненавидит. Вспомнив, что в этой жизни он действительно потерял голову, он понял, что не стоит питать никаких лишних надежд в отношении главного героя. Лучше всего просто играть свою роль маленького статиста и искать пути выживания!

Цзянь Шиу встал:

— Ну ладно, я спускаюсь. Если захочешь присоединиться, приходи вниз.

Шэнь Чэн даже не взглянул на него.

Цзянь Шиу повернулся и закрыл за собой дверь. В комнате воцарилась тишина, и, казалось, с его уходом исчезли последние остатки тепла и оживления. Юноша, сидящий за столом, слушал, как шаги за дверью удаляются, и его рука, лежащая на столе, сжалась в кулак, на коже проступили вены.

Защищать слабого?

Так сильно он его жалеет?

Но говорил ли он когда-нибудь Цзянь Шиу, что не нуждается в таких чувствах?

Как будто это бездомный котёнок или щенок, который выглядит немного мило. Любого, кого он встретит на улице, Цзянь Шиу, возможно, остановит, чтобы проявить заботу и ласку. В отличие от мрачного и жестокого себя, под грубоватой внешностью этого человека скрывается чистое и доброе сердце. Это не вина Цзянь Шиу, Шэнь Чэн знал, что сам он был эгоистичным и уродливым.

Ему не следовало злиться на него.

Он был таким непостоянным, его характер был таким странным, и он снова его расстроил.

Раньше он бы не злился. Кого бы Цзянь Шиу ни любил, это не имело к нему отношения. Что бы Цзянь Шиу ни делал, это не влияло на его настроение. Но сейчас всё было иначе. Жестокие эмоции поднимались в его сердце, и он смутно осознавал, что Цзянь Шиу для него стал другим.

...

Внизу

Дождь всё ещё шёл, в маленькой гостинице было неожиданно спокойно. Хозяйка и Чжэнь Мэйли болтали о житейских делах, они готовили пельмени и раскатывали тесто, а Толстяк рядом старательно учился.

Хозяйка спросила:

— Малыш, зачем ты раскатываешь тесто?

Цзянь Шиу, руки которого были в белой муке, ответил:

— Я хочу приготовить лапшу.

Хозяйка указала на шкаф:

— Там есть пачка готовой лапши.

— Я сам попробую раскатать, — Толстяк был очень серьёзен. — Моя мама всегда так делает.

Чжэнь Мэйли, стоящая рядом, хотела сказать, что она делает так только в его день рождения, но, поняв что-то, она многозначительно взглянула на Толстяка, уголки её губ приподнялись в улыбке, и она сказала хозяйке:

— Пусть ребёнок поиграет, не мешайте ему.

Хозяйка улыбнулась:

— Малыш, старайся!

Цзянь Шиу продолжал усердно работать.

На самом деле он не хотел заботиться о Шэнь Чэне. Тот его так ненавидит, зачем же ему лезть к нему с лапшой долголетия?

Но спускаясь вниз, он услышал, как Чжэнь Мэйли упомянула, что Цзи Бэйчуань никогда не отмечал день рождения.

Цзянь Шиу подумал: день памяти матери, никто не хочет праздновать день рождения. А Шэнь Чэн? За последние десять с лишним лет он тоже никогда не отмечал этот день. Теперь у него появилась хорошая семья, но, возможно, и в будущем ему не будут отмечать этот день.

Он вспомнил тот день в гостинице, когда они попросили повара приготовить Шэнь Чэну лапшу. Шэнь Чэн был счастлив, если бы не Гао Цань, которая всё испортила, он бы смог съесть лапшу долголетия. Позже, когда официанты убирали со стола, он, провожая одноклассников, увидел, как кто-то уносил лапшу, и в глазах Шэнь Чэна было пустое разочарование.

Эх, он не хотел признавать, что ему было немного жаль!

К тому же, если он действительно будет злиться на Шэнь Чэна, то просто с ума сойдёт. Хороший мужчина не станет спорить с Шэнь Чэном.

Он просто случайно сделал лапшу. Если Шэнь Чэн не станет её есть, он съест сам, в конце концов, это его потеря, хм!

...

К вечеру лапша наконец была готова.

Чжэнь Мэйли и хозяйка уже ушли смотреть телевизор, Толстяк с гордостью любовался своим творением и собирался нарезать овощи, чтобы сварить лапшу, когда в кухню вошёл человек.

Цзи Бэйчуань искал что-нибудь поесть и увидел его:

— Ты раскатываешь лапшу?

Цзянь Шиу гордо поднял своё круглое лицо, но не успел похвастаться, как Цзи Бэйчуань воскликнул:

— Какой уродливый раскат.

...

Цзянь Шиу огрызнулся:

— Какое тебе дело? Я не для тебя это делаю!

Цзи Бэйчуань фыркнул:

— Мне это и не нужно.

Цзянь Шиу не стал с ним спорить, положил вымытые овощи на разделочную доску и начал их резать. Он никогда не был мастером в обращении с ножом, и, очищая огурец, он срезал большие куски, оставляя неровные края.

Цзи Бэйчуань посмеялся над ним:

— Какой же ты неуклюжий.

Цзянь Шиу зло посмотрел на него, уже собираясь ответить, но Цзи Бэйчуань подошёл, выхватил нож и ловко очистил огурец, с гордостью подняв его:

— Видишь, вот это мастерство.

... Хотя и не хотелось признавать, но он действительно справился хорошо.

Странно, как этот избалованный парнишка умеет так ловко обращаться с ножом?

Цзянь Шиу скривился:

— Так себе!

Он выхватил огурец и начал мыть другие овощи, разбил яйцо, и весь этот процесс Цзи Бэйчуань стоял рядом, не уходя и не говоря ни слова.

Цзянь Шиу включил газовую плиту и с любопытством посмотрел на него:

— Если ты ищешь еду, иди на большую кухню впереди, хозяйка там. Зачем ты здесь стоишь? Здесь только та уродливая лапша, которую ты назвал, а на большой кухне есть пельмени.

Цзи Бэйчуань, словно задетый за живое, резко ответил:

— Я не стою здесь, я просто хочу посмотреть, какую ещё уродливую лапшу ты сможешь сварить, разве нельзя?

...

Больной.

Цзи Бэйчуань, вероятно, тоже почувствовал, что стоять здесь неловко, и через некоторое время ушёл. Цзянь Шиу, пока кипятил воду, украдкой взглянул на него. Спина молодого господина выглядела одинокой. На самом деле он заметил, что с того момента, как Цзи Бэйчуань увидел лапшу, его глаза почти не отрывались от неё. В этом году ему исполнилось 14 лет, а два года назад он был всего лишь выпускником начальной школы, каким бы дерзким он ни был, некоторые мысли всё равно читались на его лице.

Лапша в кастрюле закипела, и аромат начал наполнять кухню.

Когда вода полностью закипела, лапша была готова. Он налил её в миску и вышел из кухни.

Недалеко от стола сидел Цзи Бэйчуань, перед ним стояла тарелка с пельменями, но он почти не притронулся к ним. Увидев, что Цзянь Шиу вышел, он скривился, но ничего не сказал.

Цзянь Шиу прошёл мимо него, раздражённо бросив:

— Я сварил много, в кастрюле ещё осталось.

Цзи Бэйчуань замер.

Он посмотрел на Цзянь Шиу, и впервые заносчивый молодой господин не стал спорить. Его рука сжалась, губы поджались, и он сухо произнёс:

— Спасибо.

Толстяк не обратил на него внимания и просто поднялся наверх. Снаружи всё ещё шёл дождь, он нёс миску в комнату и обнаружил, что Шэнь Чэн в ванной. Он поставил лапшу на стол, а чтобы поесть, нужно было убрать книги и тетради. Он протянул руку, чтобы убрать учебники и тетради, которые лежали на столе, и неожиданно обнаружил, что в некоторых задачах в рабочей тетради были исправления.

<http://bllate.org/book/16727/1538296>